

Е. В. Вершинин

**СЫСК Д. Л. ПОЛЯНСКОГО: ДЕЛО МАНГАЗЕЙСКОГО ВОЕВОДЫ
М. С. ВОЛЧКОВА**

Против здания Поместного приказа в Кремле 8 декабря 1699 г. была прибита на столб жестяная дощечка с объявлением о смертной казни московского дворянина Михаила Семеновича Волчкова, уличенного в казнокрадстве во время воеводства в далеком сибирском Туруханске. Возможные зрители, привыкшие к зрелищам кровавых расправ над участниками Стрелецкого бунта 1698 г., могли видеть, как на Волчкова надели петлю, после чего дворянин был помилован: вместо повешения его били кнутом и трижды «запятнали» (на щеках и лбу) несмываемой буквой «В» («вор»). По указу царя Петра Алексеевича Волчков был сослан в Азов «на каторгу на вечное житье» [РГАДА, ф. 214, стб. 1533, л. 405—406]. Азов стал местом отбывания наказания именно с 1699 г., куда ссылали виновных из числа мастеровых и посадских людей [см.: Голикова, 1957, 46]. Возможно, перед процедурой казни бывший воевода был лишен чина дворянина.

О происхождении М. С. Волчкова и его родственных связях фактически ничего неизвестно. В деле о его должностных преступлениях упоминается, что он «оставной дворовый человек, что ныне московский дворянин». Очевидно, Волчков до записи в чин московского дворянина служил в каком-то ведомстве по обслуживанию нужд царского двора¹. В исследовании О. А. Шватченко о светских феодальных вотчинах в начале XVIII в. указаны Волчковы, владевшие одной вотчиной с двумя крестьянскими дворами [см.: Шватченко, 2002, 332]. Об их отношениях с осужденным М. С. Волчковым ничего неизвестно.

Несколько слов следует сказать о мангазейском воеводстве, на которое попал Волчков. Овечный славой пушного Эльдорадо, русский город с экзотичным названием Мангазея возник в 1601 г. на реке Таз. История Мангазеи довольно неплохо воссоздана по письменным источникам, а ее археологическое изучение продолжается по настоящее время. Мангазея была основана как административный центр, который должен был осуществлять контроль, с одной стороны, над потоком частных промышленников пушного зверя, с другой — над местными самодийскими родами, приводя их в ясачное состояние. Естественным образом Мангазея, в которой с 1625 г. появился постоянный стрелецкий гарнизон, стала отправным пунктом экспедиционных отрядов далее на восток — на Таймыр и в Якутию. К середине XVII в. размытые границы Мангазейского уезда уходили

---

¹ В конце XVII в. пожалование двorcовых слуг в дворяне, видимо, не являлось редкостью. Так, в 1682 г. «пожаловал великий государь в клюшники степенныя на кормовой дворец клюшника путнова Микиту Федорова сына Боркова на Иваново место Пекина, а ево, Ивана, пожаловал великий государь во дворяне» [Соловьев, 1991, 319].

далеко за Енисей, сам же город оказался на периферии идущего процесса русской колонизации: ценный пушной зверь в тазовских районах «испромыслился», а большинство ясачных зимовий, в которых несли службу мангазейские стрельцы, находились на Енисее и к востоку от него. Уже в 1630-е гг. местным воеводам стало ясно, что географическое расположение Мангазеи как административного центра начинает терять всякий смысл. Однако в Москве, в Сибирском приказе, еще долго не верили в закат «златокипящей государевой вотчины», хотя отписки воевод и таможенных начальников (голов) доказывали, что реально центр уезда перемещается в Туруханское зимовье (основано в 1607 г. на левобережье р. Турухан, вблизи ее впадения в Енисей). Кстати, сами воеводы и тем более таможенные головы часто проживали в Туруханске, где возникла многолюдная ежегодная июльская ярмарка. В конце 1660-х гг. воевода Р. М. Павлов самовольно переехал в Туруханское зимовье и стал переводить туда мангазейских «жильцов» с семьями. Очередной воевода Д. Т. Наумов прибыл в июне 1670 г. енисейским путем сразу в Туруханск [см.: Александров, 1964, 29—32]. Сибирский приказ наконец сдался перед реальным положением дел, и 14 сентября 1671 г. Наумов получил указ строить город Мангазею на Турухане «или близ Турухану» [Первое столетие..., 1996, 122].

Решение о переносе Мангазеи в Туруханское зимовье не было принято автоматически. По распоряжению из Москвы воевода Наумов «досматривал накрепко с мангазейскими служилыми и всяких чинов жилецкими людьми, где городу быть пристойно». По челобитной жителей Мангазеи и Туруханска решено было «новой город... заложить и строить в Туруханском зимовье в старом месте, где стоит церковь Божия и гостиный двор и где они дворами своими живут». Как писал В. А. Александров, «совершенно очевидно, что население Туруханского зимовья во избежание материальных затрат не пожелало переселяться (в более перспективное место, например — на основное русло Енисея. — *Е. В.*) и единодушно заявило о безусловных выгодах местоположения Туруханского зимовья» [Александров, 1964, 31]. По образцу Старой Мангазеи Наумов летом 1672 г. начал строить четырехугольную крепость с пятью башнями, одна из которых была проезжей; через год строительство было завершено. На бывшее Туруханское зимовье перешло название Мангазеи, и только в 1782 г. Мангазейский уезд стал по справедливости именоваться Туруханским.

Вот почему М. С. Волчков, прибывший в Туруханск в 1694/95 г., был воеводой мангазейским. Если существование Старой Мангазеи уже более ста лет вызывает оживленный интерес историков и археологов, то Новая Мангазея подобным вниманием обойдена. История собственно Туруханского края в XVII — начале XVIII в. наиболее подробно рассматривалась А. В. Александровым в связи с изучением вопроса о складывании постоянного русского населения в полярной зоне низовьев Енисея [см.: Александров, 1964, 59—77]. Между тем в XVII в. Туруханск по своим функциям и количеству постоянных и временных жителей ничуть не уступал Старой Мангазее в последние десятилетия ее существования. По данным крепостной книги 1676 г. гарнизон Новой Мангазеи насчитывал 145 человек (3 детей боярских, 7 человек «литвы», 4 новокрещенных, 9 толмачей, остальные

стрельцы). Присягу новому царю Федору Алексеевичу приняли 71 мангазейский посадский человек и 90 их родственников мужского пола. Вместе с подьячими приказной избы и таможи постоянных жителей мужского пола в Туруханске насчитывалось 313 человек. Кроме того, крестоприводная книга зафиксировала 166 «мангазейских промышленных людей». Поскольку присяга проводилась в июле, то можно предположить, что большинство из этих промышленных людей были постоянными жителями зимовий и станков низовьев Енисея, съехавшимися на ярмарку. По этой же причине в городе оказались 52 торговых человека из разных городов и 113 промышленных людей из соседнего Енисейского уезда. В амнатской тюрьме в это время содержалось 45 (цифра по сравнению с другими сибирскими городами весьма внушительная) туземных заложников [РГАДА, ф. 214, кн. 610, л. 47—65 об.]. За 20 лет, к моменту приезда Волчкова, городской облик Новой Мангазеи и состав ее жителей вряд ли намного изменился.

Будучи мангазейским воеводой, Волчков не избежал обычных «злоупотреблений» властью, нацеленных на утолщение своего кошелька. Слово «злоупотребления» я не зря заключил в кавычки, намереваясь возразить против его устойчивого использования в научной литературе. Мало кто из исследователей, в той или иной степени изучавших местное управление в Сибири в XVII—XVIII в. (в том числе и автор этих строк), не использовали сочетание «воеводские злоупотребления». Почему бы не говорить вместо этого о должностных преступлениях? На мой взгляд, слово «злоупотребления» не несет определенной юридической нагрузки и, во-вторых, заключает в себе семантику «снисходительности» (бес попутал, злоупотребил — с кем не бывает?). Если должностное лицо (каковым и являлся городской воевода XVII в.) нарушил положения, прописанные в общегосударственном законодательстве и воеводском наказе, используя властные полномочия с целью извлечения личной выгоды, то мы вправе квалифицировать подобные нарушения как должностные преступления.

Как выяснилось, на сибирское воеводство, сулившее возможность обогащения, Волчков попал не совсем вовремя. В 1690 г. руководство Сибирского приказа направило в Якутск тобольского дворянина Ф. Р. Качанова, поставив перед ним задачу «розведать, отчего ясачной збор умалился и про воевоцкие неправые дела и про воровство ясачных зборщиков, для того: по ведомостям в Сибирском приказе ясачной казны збор умалился от воевоцкого нерадения и от многой их корысти» [Зольникова, 1989, 186]. Сыск, проведенный Качановым при активном сопротивлении якутских воевод, выявил огромный размах личного обогащения последних во время пребывания на воеводстве. Н. Д. Зольникова указывает, что Качанов с собранными в Якутске материалами появился в Москве в конце 1695 — начале 1696 г., и совершенно справедливо считает, что его деятельность прямо повлияла на организацию всесибирского сыска думного дьяка Д. Л. Полянского. Возможно, что Качанов приехал в Москву все-таки в конце 1695 г. и его доклад в Сибирском приказе инициировал появление именного царского указа от 26 декабря 1695 г. В составлении указа мог лично принимать участие Петр I, который как раз 22 декабря вернулся из поездки в Ярославль [см.: Богословский, 1940, 279]. Указ ка-

сался Сибири и носил грозный «антивоеводский» характер: в нем фиксировалось, что «многие прежние воеводы воровали всякую денежную великих государей казну», ясачных сборщиков назначали за взятки, незаконно производили и продавали вино, русским людям и аборигенам «чинили всякое мученье для своих корыстей» и т. д. Список воеводских должностных преступлений соседствует в указе с перечнем соответствующих наказаний. В указе четко говорилось: «А будет они великих государей казну учнут красть или своими вымыслы для своих корыстей умалять, и кого станут, не описався к великим государям, казнить смертию — и тем самим воеводам быть казненными смертию ж...» [ПСЗ, 1830, I, 213—215]. Как увидим ниже, все эти запреты в полном виде нарушил бывший «дворовый человек» Волчков.

Пока Михаил Семенович воеводствовал в Туруханске, чинил суд и «злоупотреблял», в конце марта 1696 г. из Москвы выехал думный дьяк Д. Л. Полянский, облеченный широкими полномочиями по расследованию должностных преступлений сибирских воевод и подчиненных им лиц. Организация сыска Полянского в Москве подробно рассмотрена в статье Н. Д. Зольниковой [1989, 180—213], но сама деятельность комиссии думного дьяка в Сибири никогда не являлась предметом специального и всестороннего исследования. Все, чем располагает сибиреведческая литература, это отдельные эпизоды деятельности Полянского, всплывающие при рассмотрении известных восстаний в Красноярске и восточносибирских острогах [см., в частности: Бахрушин, 1959, 186, 187, 189—191]. Данная статья тоже воспроизводит лишь один из эпизодов этого сыска, который еще не был освещен в предшествующей литературе.

Резиденцией сыщика стал Енисейск (трудно даже точно указать, когда Полянский туда прибыл, но не позднее лета 1697 г.). В целом известно, что думный дьяк, человек «старой» формации, так и не осознал ясно, чего ожидали от него руководство Сибирского приказа и сам Петр I. Принимая потоки челобитных на воевод, дьяк проявлял колебания или откровенно покрывал «неправды» и должностные преступления сибирских правителей. Через три года после назначения он сам попал под следствие, окончание которого исследователям неизвестно. Думается, что Петр I просто махнул рукой на человека, не оправдавшего его надежд, а начавшаяся Северная война отодвинула в тень деятельность и результаты масштабного следствия над сибирскими «лихоимцами».

Роковую роль в судьбе воеводы Волčkова сыграли два обстоятельства: приезд сыщика Полянского в Енисейск и любовная связь мангазейского стрелецкого десятника Якова Микифорова Зыряна с девицей Варварой. В начале сентября 1695 г. жительница Туруханска Арина Ивановна, жена десятника Луки Васильева, подала воеводе жалобу на то, что Яков Микифоров изнасиловал ее дочь Варвару, вследствие чего та забеременела. Видимо, сам Яков Микифоров в это время в городе отсутствовал, поэтому на допрос в приказную избу были взяты его жена Соломея и пострадавшая девица. Выяснилось, что Варвара год была в «работе» у Микифоровых, причем не в самом Туруханске, а в Закаменном зимовье, где Яков служил в качестве ясачного сборщика.

Яков Микифоров не был новичком на енисейском Севере. В крестоприводной книге 1676 г. он числился среди рядовых стрельцов Новой Мангазеи. В 1679 г. шесть ясачных сборщиков, находившихся в Старой Мангазее, подверглись нападению со стороны самоедов «Асицкого рода» (Аседа). Стрельцам пришлось выдержать настоящую трехдневную осаду, и только помощь лояльных к русской власти верхотазовских самоедов спасла их от гибели. Воевода И. П. Савелов организовал карательную экспедицию; отряд из 30 человек возглавил (уже в чине десятника) Яков Микифоров. Поход был успешным. Стрельцы настигли самоедов (род Аседа относился к кочевым тундровым ненцам, чье подчинение русской власти в XVII в. было довольно условным) и предложили им «принести свои вины» и платить ясак. Ненцы отказались и вступили со служилыми людьми в бой. Победа осталась за стрельцами: 5 самоедов было убито, 3 захвачено в плен (не считая женщин и детей), остальные «врознь разбежались по тундре и за озера». Сам Микифоров в схватке получил ножевую рану в голову [ДАН, 1862, 163—164].

При Волчке Микифоров продолжал службу в чине десятника и находился, как было сказано, в Закаменном ясачном зимовье. Это зимовье располагалось на Енисее выше впадения в него Подкаменной (Средней) Тунгуски. Оно считалось старым (упоминается в источниках с 1626 г.); по мнению Б. О. Долгих, ясак в него приносили кеты и какая-то часть эвенков [см.: Долгих, 1960, 222]. Судя по всему, к концу XVII в. Закаменное зимовье являлось местом спокойным; иначе трудно объяснить, почему в нем оказался один Микифоров с женой Соломеей и девицей Варварой.

Вернемся к следствию, которое производил Волчков по делу об изнасиловании Варвары. Последняя заявила, что в Закаменном зимовье Яков ее «изнасиловал», угрожая убийством, если она расскажет об этом в городе. По словам Варвары, жена Якова «про то дело ведала». Соломея показала, что ничего об этом не знает, но добавила, что иногда Яков «хаживал» с Варварой рыбу промыслять и в лес за дровами. На этом дело было приостановлено до приезда самого Якова, который появился в июне 1696 г. На допросе в приказной избе Микифоров не отрицал «блудного греха» с Варварой, но настаивал на том, что «девку не насиловал... потому что та девка наметывалась на него сама». В доказательство любвеобильности Варвары Яков заявил, что «ростлена де она до него», а как на возможного отца ребенка Варвары указал на некоего Микишку Федькина сына. Факт угроз в адрес девицы Яков отрицал, как и осведомленность Соломеи о его сожителстве с Варварой. Якову была дана очная ставка с Варварой, которая к этому времени родила ребенка. Стороны стояли на своем. В этом судебном деле выявляется один, очевидно, архаичный способ доказательства правоты, к которой прибегали тяжущиеся стороны в XVII в. Варвара просила «розыскать» «Якушкиной кожей» и своей. Как записано в материалах допроса, Яков, настаивая на своей версии связи с девицей, «в том на свою кожу шлетца» [РГАДА, ф. 214, стб. 1533, л. 431—434]. Семантика этого странного доказательства «кожей» убедительно раскрыта Б. А. Успенским. Ссылка на «кожу и кости» означала не что иное, как клятву прахом родителей [Успенский, 1994,

76]. Ложь при произнесении подобной клятвы, очевидно, считалась страшным святотатством.

Выслушав стороны, Волчков принял решение в пользу Варвары. Воеводы, конечно, не имели никакой квалификации судей, но со времени принятия Соборного уложения 1649 г. печатные экземпляры этого кодекса были разосланы по всем воеводским избам России, в том числе и Сибири. Поскольку в Соборном уложении изнасилование как преступление не было предусмотрено, то воевода нашел более или менее подходящую случаю статью в главе 10 «О суде» (ст. 99): «А будет кто ни буди обесчестит непригожим словом чью жену или дочь-девку... по суду и по сыску править за их бесчестья: жене против мужня окладу вдвое, дочери-девке против отцова окладу вчетверо». Оклад десятника Луки Васильева (немного странно, что не он выступил истцом, а его жена) составлял 5,5 руб. В июле 1696 г. Волчков вынес приговор: Якова Микифорова били кнутом и взыскали с него бесчестья в размере 22 руб. (тогда же деньги были отданы из приказной избы отцу Варвары). Кроме того, воевода приговорил отдать ребенка Якову «поить и кормить» [РГАДА, ф. 214, стб. 1533, л. 436—437].

Обозленный Яков Микифоров начал борьбу против воеводы. Кто на кого «наметывался» в этом амурном деле, навсегда останется тайной, но логику стрелецкого десятника понять можно: ему пришлось отведать кнута и уплатить немалую сумму за любовные шалости с уже «порченой» девицей — мало кто здесь не обиделся бы. Для мести Микифоров избрал самый действенный способ — он стал агитировать служилых людей составить коллективную челобитную о казнокрадстве Волčkова. Этот способ борьбы с должностными преступлениями воевод практиковался мирскими организациями в Сибири на протяжении всего XVII в. [см. об этом: Александров, Покровский, 1991]. К тому же в апреле 1695 г. из стен Сибирского приказа вышел указ, поощрявший доносы на должностные преступления воевод. «Земские всякого чина жители» уведомлялись специальными грамотами, «что им воевод слушать, как в тех статьях (воеводского наказа. — *Е. В.*) написано; а буде который воевода учнет что делать чрез те ему данные статьи, и им его в том не слушать, а посылать к Москве на того воеводу... челобитные» [ПСЗ, 1830, I, 204].

Однако Волчков успел перехватить инициативу и арестовать Микифорова. По показаниям Якова, данным в марте 1700 г. в Москве, Волчков держал его три недели в тюрьме (в двух цепях), водил в застенки и пытал. После битья кнутом воевода, очевидно, заставил десятника подать челобитную с просьбой об отставке [см.: РГАДА, ф. 214, стб. 1533, л. 416, 441]. В челобитной, по виду смиренной, Яков написал, что служил в Мангазее более 20 лет, а ныне состарился, болен «нутрянной болезнью», и потому просил отставить его от службы для пострижения (самого в Спасский монастырь на р. Кеть, а жены — в монастырь Рождества Богородицы в Енисейске). Волчков с удовольствием избавился от строптивого десятника.

Прибыв в Енисейск, Микифоров вместо монастыря отправился на двор к сыщику Д. Л. Полянскому и подал ему в августе 1697 г. извет на Волčkова из нескольких пунктов (кстати, сам Яков был грамотным). Полянский был вынужден

дать делу официальный ход, и в конечном итоге изветные статьи Микифорова оказались в Москве [см.: Там же, л. 399—404]. Само следствие, которое проводил Полянский, по имеющимся в нашем распоряжении материалам восстанавливается с трудом. Дьяк поручил проводить розыск по извету Микифорова воеводе Ю. Ф. Шишкину, который в 1697 г. сменил в Туруханске Волчкова. Последний, сдав воеводство, приехал в Енисейск и был задержан до окончания следствия. По словам Микифорова, из Енисейска Волчков постоянно слал «грамотки» своим сторонникам в Туруханск (самому Шишкину, попу Ивану Тимофееву, сотнику Никифору Васильеву и подьячему Василию Матвееву), чтоб они ему в сыске «пособили». Покрывая Волчкова, Шишкин присылал в Енисейск материалы небрежно проведенных общих опросов (повальных обысков), не вписывая в дело «многие вины» предшественника. В Енисейске Полянский, «друза» Волчкову, с облегчением его оправдывал. Видимо, в 1698 г. полностью обеленный Волчков был отпущен в Москву.

Яков Микифоров мог считать, что проиграл борьбу с воеводой. Во время следствия он тоже находился в Енисейске, а после отъезда Волчкова сделал вклад в Спасский монастырь и фактически стал деятельным монастырским приказчиком. В 1699 г. он ездил в Туруханск торговать хлебом и летом этого же года был послан на Ирбитскую ярмарку для покупки «церковных потреб». На обратном пути в Тобольске (январь 1700) он был задержан и выслан в Москву. Оказывается, дело Волчкова не было закрыто.

Глава Сибирского приказа думный дьяк А. А. Виниус не поверил следствию Полянского и сам внимательно ознакомился с присланными сыщиком изветными статьями. Пора, наконец, обратиться к их содержанию. Микифоров обвинял Волчкова в том, что воевода дешево оценивал ясачные и пошленные (т. е. взятые на таможене) меха: шкурку песца по 7—8 коп., а ровдугу (выделанную оленью шкуру) по 7—9 коп. Между тем по московской цене шкурка песца стоила не менее 30 коп. Получив таким образом излишек мехов, Волчков продавал их торговым людям уже по настоящей цене. В ходе разбора извета Микифорова Виниус привлек к ответам уже появившегося в Москве Волчкова. Пытаясь выкрутиться, последний заявил, что продавал песцов только своему предшественнику воеводе А. В. Заболоцкому, сообразуясь якобы с какой-то царской грамотой. Виниус холодно заметил, что о подобной грамоте в Сибирском приказе ничего не известно.

Далее Виниус поинтересовался, почему Волчков не дал стрельцам составить на себя коллективную челобитную (как было сказано выше, законодательство поощряло эту практику). Волчков попытался представить Микифорова не радетелем государевой казны, а бунтовщиком и «людским возмутителем», за что, дескать, тот и был отставлен от службы. На это Виниус заметил, что никакого розыска о бунте Волчков не прислал, тем самым ложно обвиняя Микифорова. По статье 2 извета Волчков брал взятки за назначение в ясачные волости сотника Васильева и других стрельцов (обычная статья дохода сибирских воевод). С ними воевода посылал в ясачные волости свои товары для обмена на меха. И хотя опрошенные Шишкиным ясачные сборщики отрицали факт взятки, Виниус в этом ничуть не

сомневался, тем более что в частной торговле с аборигенами Волчков признался. Особо серьезной была статья 3 извета, поэтому на ней мы остановимся немного позднее. Как говорится в статье 4, Волчков посылал своего племянника вниз по Енисею для торговли вином. На это бывший мангазейский воевода отвечал, что посылал его для измерения расстояния до моря. Обвинение статьи 5 выглядит совсем бледным: воевода отобрал у енисейского кета 4 соболя и держал его в тюрьме. Ясно, что доказать в Москве этот факт было невозможно. Статья 6, судя по всему, не могла быть составлена Микифоровым. В ней содержится роспись конфискованных у Волčkова в Енисейске и присланных в столицу мехов: 1 962 песца и недопеска, 1 тыс. горностаев, 57 росомах, 6 выдр, 400 норок, 3 100 ровдуг и, кроме того, иная «рухлядь» в виде одежды. Поскольку на многие вопросы Виниуса о способах приобретения этих мехов Волчков ответить не мог, то вывод думного дьяка был однозначен: Волчков — казнокрад.

Обратимся к статье 3 извета, по которой Волчков обвинялся в гибели 25 русских людей в Старой Мангазее. Как заметил Виниус, допрашивая бывшего воеводу, «то дело немалое, что 25 человек русских людей побили». История эта весьма трагична. Как уже говорилось, в Старую Мангазею со времени ее оставления каждый год посылалось по несколько стрельцов в качестве ясачных сборщиков. Если роды верхотазовских самоедов угрозы для русской власти не представляли, то роды «юрацкой кровавой самоеди» (тундровых ненцев) служили в XVII в. источником постоянного беспокойства для воевод Березова и Мангазеи [см.: Вершинин, 2003, 5—21]. Среди прочих аманатов к приезду Волčkова в Туруханске содержались 2 аманата от юрацких самоедов. Посылая очередных сборщиков ясака в Старую Мангазею, воевода допустил две ошибки. Можно предположить, что он решил вдохнуть новую жизнь в заброшенный город: вместе с 10 стрельцами отправились их семьи (15 женщин и детей). От Туруханска до Старой Мангазеи путь занимал не более месяца. Не было смысла отправлять служилых людей с семьями, если бы Волчков не планировал их поселение на постоянное жительство. Добравшись до городища, стрельцы поддались на уговоры юраков Наусицкого и Барайского родов, просивших привезти их заложников в Старую Мангазею. Ошибка же Волčkова как администратора состояла в том, что он отпустил этих двух аманатов, не заменив их другими. Дальнейшие перипетии этой истории подробно описаны С. В. Бахрушиным [см.: Бахрушин, 1955, 77—79]. Около ста юрацких самоедов выманили стрельцов из Старой Мангазеи и, устроив засаду, перебили их из луков. Затем они вошли в пустой город и, чтобы не оставлять свидетелей, убили палками женщин и детей, бросив их тела на лед речки Осетровки.

Отвечая на обвинение, Волчков сказал, что отпустил юрацких аманатов как раз для обмена. Вследствие предпринятых им действий были пойманы два ненца, одного из которых воевода повесил, а другого бил кнутом. Показания Волčkова вызвали законное подозрение Виниуса. Во-первых, воевода не имел права самостоятельно выносить смертные приговоры аборигенам (о чем еще в 1686 г. в Туруханск был послан специальный указ). Во-вторых, «пыточное дело» захваченных само-

едов якобы сгорело в пожаре. Показания Якова Микифорова в марте 1700 г. подтвердили не очень понятную ложь Волчкова. Противник воеводы указал, что при Волчкове пожар был за городом и сгорело только 2 двора. Совсем загадочным выглядит следующий факт. Когда Волчков находился еще в Енисейске, туруханский житель Севостьян Колов заявил воеводе Шишкину, что видел у жены Волчкова серебряные перстни, принадлежавшие его убитым в Старой Мангазее родственникам. По словам Микифорова, Волчков, опасаясь извета со стороны Колова, прислал ему из Енисейска 2 перстня. Микифоров же перед Виниусом прямо заявил, что Волчков отпустил аманатов, получив от самоедов поминки (т. е. взятку). Как бы то ни было, дополнительные показания бывшего мангазейского десятника запоздали.

В декабре 1699 г. Михаил Семенович Волчков был предан символической смертной казни и сослан на каторгу в Азов. Немного ранее, в последней отчаянной попытке спасти себя, Волчков попытался обвинить Виниуса в неправом суде и самого думного дьяка уличить в казнокрадстве: он заявил, что Виниус на казенные средства возил кирпич к себе в дом. Этот выпад против Виниуса только рассердил Петра I, который 24 ноября 1699 г. в Преображенском приказе слушал докладную выписку по делу Волчкова. Приговор монарха нам уже известен.

Стрелецкий десятник Яков Микифоров сокрушил своего противника, но возможным это стало только в особых условиях «антивоеводской» правительственной политики конца 1690-х гг. Мысль Петра I еще не создала новых форм контроля над растущим бюрократическим аппаратом. На данном этапе для пресечения должностных преступлений управленцев восточных регионов страны использовались два совершенно разных рычага: мирское мнение, опиравшееся на давние традиции земского самоуправления, и воля чиновников высшего аппарата власти, сделавших ставку на личную преданность Петру I.

Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. М., 1964.

Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.

Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3, ч. 2. М., 1955; Т. 4. М., 1959.

Богословский М. М. Петр I: Материалы для биографии. Т. 1. М., 1940.

Васильевский Р. С., Резун Д. Я. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989.

Вершинин Е. В. Русская власть и сибирские самоеды в XVI—XVII вв. // Вести. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История. Филология. Т. 2, вып. 2: История. Новосибирск, 2003.

Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I. М., 1957.

ДАИ — Дополнения к Актам историческим. Т. 8. СПб., 1862.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960.

Зольникова Н. Д. Сыск Д. Л. Полянского и письма Избранта Идеса // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989.

Первое столетие сибирских городов, XVII век. Новосибирск, 1996.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1830.

Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 7, т. 13—14. М., 1991.

Успенский Б. А. Избр. тр. Т. 2: Язык и культура. М., 1994.

Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины в эпоху Петра I. М., 2002.